

Деформации личности как эффект взаимодействия субъективных и социальных миров

И. А. Шаповал, доктор педагогических наук, профессор кафедры специальной психологии, психолого-педагогический факультет, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, irinashapoval@yandex.ru

Деформации личности рассматриваются как субъективное когнитивное и аффективное искажение социальной реальности, страдающей неопределенностью и противоречивостью. Разрушение социокультурных парадигм, утрата гарантий состоятельности долгосрочных планов и прогнозов приводит личность к отчуждению и самоотчуждению, обретению скрытой идентичности, формированию контр-реальностей, деформаций и социальных болезней личности. Социальная и внутриличностная дезориентация определяет дезадаптивное поведение и утрату социальной компетенции с критичностью по отношению к обществу и некритичностью к собственной жизненной программе.

Ключевые слова: деформации личности, расстройства личности, идентичность, неконформизм, индивидуализм, контр-реальность, социальное давление.

Природа проблемности личности заключается в трудности формирования ее интегрального Я, несущего ответственность за адекватность разрешения внутренних противоречий и конфликтов [8]. Однако, будучи психологическими существами, мы являемся также социальными и культурными созданиями, живущими в мирах общих и оспариваемых символов, верований и ценностей. Внутренние и социальные миры воздействуют друг на друга, и выражение эмоций опосредуется культурными представлениями, правилами, схемами, моральным суждением. Основная характеристика переживаемой нами реальности, включая самопредставление, — интенциональность, сконструированность на основании тех или иных культурных парадигм и типизаций. Таким образом, интенциональный мир населен интенциональными личностями, непрерывно создающими друг друга и мешающими друг другу, взаимно интерпретирующими идентичность и обуславливающими существование друг друга [14]; [15]; [22]. Механизмы функционирования общества и его отношения с человеком еще полвека назад заключались в том, что смысл бытия человека определялся его принадлежностью к социальным образованиям, смысл же индивидуальности — способами, которыми он сопротивлялся притяжению общества. Статус зижделся на твердом здании мира, смысл же личной идентичности часто находился в его трещинах [5]. В постсовременности, однако, «твердость» социального мира даже не артикулируется: социально атомизированные, растерянные и настороженные по отношению друг к другу индивиды, группы и страты, конфронтирующие государства и союзы равным

образом пытаются отыскать основания если не для консенсуса, то хотя бы для компромисса. Личность вынужденно формируется и самоактуализируется среди рушащихся догм и традиций, зыблущихся постулатов, блуждающих ориентиров. Ее «глобализация», как констатируют психологи, социологи, философы, сочетается с возрастающим самоотчуждением, утратой понимания другого и несостоятельностью прогнозов, ориентированных на некий усредненный человеческий стандарт.

Ю. Хабермас [16] замечает, что сегодня никто уже не отваживается отвечать на вопрос: «Что я должен делать со временем, отведенным мне на жизнь?». Плюрализм мировоззрений и прогрессирующая индивидуализация стилей жизни рождают мнение о том, что «справедливое общество» гарантирует каждому равную свободу развития этического самопонимания, чтобы осуществлять личную концепцию «достойной жизни» согласно своим возможностям и на свое усмотрение, и предоставляет всем право самим решать, что «делать со временем, отведенным им на жизнь».

Распространенность расстройств личности как нозологической единицы в среднем оценивается в 5%; в то же время утверждается, что примерно треть больных на приеме у терапевта имеет те или иные расстройства личности; среди амбулаторных больных психиатров их 20-40%, среди госпитализированных — 50%; среди находящихся в тюремном заключении — 78% мужчин и 50% женщин [4]. Таким образом, проблема личностных расстройств выходит за пределы клинического дискурса, затрагивая в той или иной степени не только лиц с соответствующим диагнозом, но и обладателей «теневых синдромов» [17] — тех, кто при невыраженных диагностических признаках испытывает из-за постоянной неудовлетворенности жизнью, психологического дискомфорта, неуверенности в себе и т.п. серьезные трудности в общении, личной жизни, на работе [7], пытаюсь скрыть или преуменьшить свои проблемы с помощью масок.

Целью настоящей работы является попытка рассмотреть деформации личности как некие формы ее жизни, объединяющей в себе внутренние и социокультурные миры, и локализовать происхождение деформаций личности на границе пересечения этих миров.

Человеческое общество существует на перекрестках: предстающее в ретроспективе как «неизбежное» развитие в свое время начиналось как вступление на одну из множества лежащих впереди дорог [2, 115]. Эту мысль З. Баумана можно проецировать на жизнь личности и ее деформации. Бауман подчеркивает [там же, с. 59]: в силу неопределенности внешней реальности и противоречивости социальных давлений современник одновременно **недосоциализирован**, поскольку из «внешнего» мира ему не предлагается никакая всеобъемлющая и неоспоримая формула, и **сверхсоциализирован**, так как никакое «ядро» приписанной или унаследованной идентичности не может сопротивляться внешним давлениям, и потому ее нужно постоянно приспособлять, конструировать без перерыва и без всякой надежды на окончательность.

Деформации личности (от лат. *deformatio* — искажение) мы определяем как негативные изменения ее качеств и свойств (стереотипов восприятия, ценностных ориентацией, характера, способов общения и поведения), **возникающие** под

влиянием социально-средовых факторов (депривационных, фрустрационных и т. д.), жизненно значимых для личности; **проявляющиеся** в различной степени когнитивного и аффективного искажения реальности и психологической дезориентации; **приводящие** личность к дезадаптивному поведению и утрате социальной компетенции. Большинство исследований деформаций личности локализуют патогенность социальных институтов — образования, семьи, профессии и т. д. — внутри их границ, как правило, не выходя за них. Но личность испытывает прессинг многих и разных социальных агентов одновременно, их совместное и кумулятивное воздействие оценивается только постфактум, и вряд ли оправдано выделять универсальную и решающую роль какого-либо одного из них в деформациях личности.

Объективный смысл ролевого ожидания и социальной роли не тождествен тому, как сам ее обладатель субъективно определяет в ней свою ситуацию, и потому существование социальных институтов — не более чем шанс, что люди действуют и будут действовать по образцу [14]. Даже в контексте относительной стабильности жизненного мира у личности нередко возникает ощущение усталости от бесчисленных предписаний и обязанностей, предустановленных контактов и чувство «заброшенности в чужой мир», выстроенный без согласия на его правила самого человека. Как эффект несовместимости разных социальных порядков и несоответствия ценностных ориентаций появляется нонконформизм, изменяющий взгляд человека на собственную значимость и заставляющий его по-новому переживать образ социальной реальности: недовольство и девиации становятся способом заявить о себе и выйти из состояния «анонимного» участника социальных интеракций. Иными словами, обыденные интеракции порождают, наряду с согласием, оппозиционную силу несогласия, наряду с нормализующими интерпретациями — волю к пересмотру привычной сферы и моделей поведения [9]. Девиантное поведение становится способом изменения социальных норм и ожиданий посредством обесценивания их. Нонконформист, девиант, индивид с деформациями личности — субъекты, не желающие исполнять социальные ритуалы и правила игры, критичные по отношению к обществу и некритичные к собственной жизненной программе.

М. Фуко подчеркивает: именно совокупность институтов контроля с целой системой механизмов надзора и распределения и создала к концу XIX века большое, неопределенное и разнородное семейство «ненормальных» [13]. Ощущая давление социальных институций и реагируя на установленные запреты и привилегии, люди актуализируют различные модели адаптации к ситуации [5]: ситуативный уход; открытый отказ сотрудничать; колонизацию с использованием максимума доступных удовольствий; конверсию с манипуляциями для получения привилегий.

Сама дефиниция деформаций личности «рассеяна» в феноменологическом поле

- **патологий личности** – искажения ее целостности, гротескные отклонения реагирования и поведения, резкий диссонанс между образом жизни человека, его интеракциями и нормативным уровнем конфликтности и компромиссности, невротические и патохарактерологические личностные изменения, детерминирующие нарушения общепринятых в культуре «правил игры»;

- **аномалий личности** – разновидностей и вариаций «нормального» диапазона различных типов реагирования на естественные для обыденной жизни кризисы, фрустрации, стрессы, девиантные и акцентуированные типы личности, оценка аномальности которых связана с традиционными предписаниями общества;
- **расстройств личности** (устар. психопатии) — стойких патологий личности;
- **пограничных психических расстройств** – невротических реакций, ядерных психопатий и патологических развитий личности.

Заметим: все вышеприведенные понятия взаимно пересекаются, определяются друг через друга и могут быть объединены в широком понятии деформаций. В то же время потребность профессиональных дискурсов — клинического, психологического, социологического и др. — в сохранении собственной терминологии заслуживает понимания, заставляя уточнить рамки определения деформаций личности через их соотнесение с «акцентуированными личностями» (К. Леонгард), «латентными» (П. Б. Ганнушкин), «приобретенными» (А. Е. Личко), «краевыми» (О. В. Кербиков) психопатиями.

В рамках клинического подхода накоплено множество определений и описаний **расстройств личности**:

- клинически значимые состояния, поведенческие типы, имеющие тенденцию к устойчивости и выражающие характеристики собственного индивидууму стиля жизни и способа отношения к себе и другим (МКБ-10);
- длительный паттерн внутреннего переживания и поведения, отчетливо отклоняющийся от ожиданий культуры индивидуума, пронизывающий его, негибкий, имеющий начало в подростковом или раннем взрослом периоде, стабильный длительное время и приводящий к дистрессу или нарушению (DSM-IV 1994 г., DSM-IV-TR 2000 г.);
- очень жесткий паттерн внутреннего опыта и направленных на окружающий мир действий, отличающийся от ожиданий общества и приводящий к дисфункции [6];
- патологические состояния, характеризующиеся сохраняющейся на протяжении всей жизни дисгармоничностью психического склада – совокупности свойств человека, отчетливо проявляющихся в эмоциональной и волевой сфере, в сфере влечений и в широком диапазоне социальных ситуаций и межличностного взаимодействия [11];
- дезадаптивные стратегии поведения, отражающие, какие стимулы индивидуумы обучились искать или избегать (удовольствие — боль), где они стараются достичь их (Я / Self — другие) и как они обучились вести себя, чтобы устранить или избежать их (активность — пассивность) [17]; и др.

Примечательно, что при всех различиях приведенных определений общим контрапунктом в них проходят идеи: а) социальной реализации расстройств личности, отклоняющейся от ожиданий и требований общества и дезадаптивной; б)

наличия жестких и стойких паттернов переживания и поведения, эго-синтонных личности (оцениваемых ею как присущие ей черты характера и/или естественные реакции на сложившуюся ситуацию). Образно выражаясь, обладатель личностного расстройств оказывается в конфронтации с социальным миром, созданным не им и не для него.

Исследования показывают: люди приспособливают свои self-представления к изменяющимся обстоятельствам жизни и надевают различные социальные маски в разных ситуациях. В то же время self-представления стабильны во времени, и люди усиленно сопротивляются попыткам других изменить или отрицать их собственные self-характеристики [15]. Иными словами, под социальным давлением человеку часто проще и легче создать новый имидж, надеть маску, сыграть роль для манипуляции окружающими и адаптации к их ожиданиям, нежели изменить свое Я в отсутствие внутренней потребности в этом изменении.

В современном мироощущении сознание, наполняясь противоречиями разнообразных норм, правил и канонов, не справляется с ними, и личностная идентификация с формами и субъектами социальности нарушается. Возникает «расширенная личность», озабоченная поддержанием своей суверенности и принуждением других к признанию ее превосходства: другие превращаются для индивида в символ его социальных ограничений, преодоление которых обнаруживается в индивидуализме. Распыленные индивидуальности сознательно отрицают преимущества единства с коллективным целым, бессознательно нуждаясь тем не менее в принадлежности к общности [12]. Это противоречивое мироощущение становится благодатной почвой для выбора на фоне отказа от моноантического мышления альтернативных реальностей, заложенных в культуре, и создания контр-реальностей в собственной идентичности.

Одной из попыток рассмотреть деформации личности вне клинического дискурса является концепция Е. В. Руденского **дефицитарной деформации личности** как особого состояния ее развития, обусловленного несоответствием уровня развития культурного потенциала личности культурно-психологической ориентации общественных процессов [10]. Дефицитарная деформация личности характеризуется субъективной неудовлетворенностью; утратой идентичности; дезинтеграцией Я-системы; утратой психокультурной автономности и конформизмом; неадекватным восприятием реальности; экзистенциальной фрустрацией и социальным пессимизмом; снижением толерантности к фрустрации; нарушенной резистентностью по отношению к стрессу; агрессивно компенсирующим самоутверждением; конфронтацией в жизненно значимых для личности сферах; духовной неприкаянностью и т.п.

В ином ракурсе представлены А. Ю. Акоповым **социальные болезни Личности** [1] — болезни социальной адаптации к жизни в больном обществе, реализующиеся в социальной наркомании (гедонизация общества); в социальной шизофрении с социальным и экзистенциальным схизисом, расщеплением социального восприятия, мышления и сознания; в социальной мифологии и инфантилизме; в субъективизме психического функционирования с отходом от реальности и подменой ее фантазией и т.д.

Человек как член множества социальных групп располагается на пересечении разных социальных кругов, отдавая той или иной группе лишь **часть** своей личности (импульсы, интересы, силы). Подлинная же личность, то, чего она не может разделить с другими, остается вне общей сферы, и только в случае добровольной групповой принадлежности мы свободны сами определять, членом какой группы хотим быть, какую роль желаем в ней принять и какой частью своей личности хотим участвовать в группах [14]. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана [3], личный выбор между реальностями и идентичностями как возможность индивидуализма прямо связан с неуспешной социализацией — асимметрией между объективной и субъективной реальностями, рождающей индивидуалиста, то есть специфический социальный тип, способный мигрировать по множеству доступных миров и сознательно конструировать свое Я из различных доступных ему идентичностей в их ситуационной обусловленности и сложном полилоге.

Формирование и деформации личности в их неразрывной связи разворачиваются как процесс социального конструирования во взаимодействии объективной и субъективной реальностей. Социально-биографическая доступность расходящихся миров определяет возможность для личности альтернатики — обладания скрытой истинной идентичностью и социально умалчиваемой асимметрией между «публичной» и «приватной» биографиями. Социальное поведение начинает пониматься как роль, от которой можно дистанцироваться в сознании и «разыгрывать» ее, манипулируя ею, что превращает отношения в обществе в сеть взаимных манипуляций. Неуспешность в одном социальном мире становится непринципиальной, так как возможно компенсаторное формирование контрреальности.

Обобщим проведенный анализ.

В условиях глобализации социума индивидуальные жизненные планы формируются в рамках сложной социальной структуры, где ни одной из культур не удастся убедить других в преимуществах своих смыслов и мощностей, ориентирующих в мире реальных действий. Но культурных заповедников не может и не должно быть [19], поэтому личность вправе идентифицировать себя с той или иной реальностью или дрейфовать между ними, ориентируясь на свободную самореализацию.

Переживание человеком внутренней и внешней реальности в условиях разрушения культурных парадигм, утраты гарантий состоятельности каких-либо долгосрочных планов и прогнозов, социальных и личных, угрожает ростом отчуждения и самоотчуждения личности, обретению скрытой идентичности, биографической асимметрией, распространением контрреальностей, деформаций и социальных болезней личности.

Деформации личности как негативные изменения ее качеств и свойств возникают под влиянием прежде всего социально-средовых факторов как эффект взаимодействия субъективных и социальных миров. Субъективное когнитивное и аффективное искажение социальной реальности, страдающей неопределенностью и противоречивостью, обуславливает и социальную, и внутреннюю дезориентацию, дезадаптивное поведение и утрату социальной компетенции с критичностью по отношению к обществу и не критичностью к собственной жизненной программе.

Перспективы дальнейшего анализа проблемы деформаций личности видятся нам в исследовании интра- и интерперсональных нарушений границ субъективного и социальных миров, на пересечении которых и рождаются деформации личности.

Литература

1. *Акопов А.Ю.* Свобода от зависимости. Социальные болезни Личности. Спб.: Речь, 2008.
2. *Бауман З.* Свобода. М.: Новое издательство, 2006.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995.
4. *Вельтищев Д.Ю.* Аффективная модель стрессовых расстройств: психическая травма, ядерный аффект и депрессивный спектр // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. т. 16, № 3. С. 104-109
5. *Власова О.А.* Эрвин Гофман: микросоциология опыта и социальная феноменология тотальных институций // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. Вып. 3-4 (42-43). С.32-38
6. *Комер Р.* Патопсихология поведения: нарушения и патология психики. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК ; М.: ОЛМА-пресс, 2005.
7. *Короленко, Ц.П., Дмитриева Н.В.* Личностные расстройства. Спб.: Питер, 2010.
8. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Спб.: СПбГУП, 2003.
9. *Рудановская С.В.* Субъекты социальной критики: между реальностью и желанием: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2005.
10. *Руденский Е.В.* Психология ненормативного развития личности: Виктимологические основания психологической теории дефицитарной патологии развития личности. Новосибирск: ГЦРО, 2000.
11. *Смулевич А.Б.* Расстройства личности. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2007.
12. *Старовойтенко Е.Б.* Культурная психология личности. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2007.
13. *Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. Спб.: Наука, 2005.
14. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

15. *Ingham J.M.* Psychological anthropology reconsidered. Cambridge, Published by the Press Syndicate of the University of Cambridge, 1996.
16. *Habermas Ju.* Begründete Enthaltbarkeit: Gibt es postmetaphysische Antworten auf die Frage nach dem "richtigen Leben"? Neue Rundschau. 2001, H. 2, P. 93-103.
17. *Millon T.* Disorders of Personality: DSM-IV and Beyond. New York: John Wiley & Sons, Inc., 1996.
18. *Ratey J., Johnson C.* Shadow Syndroms. New York, Warner Books 1998.
19. *Shweder R.A.* Thinking Through Cultures. Cambridge (Mass.), London (England): Harvard University Press, 1991. p. 48-49.

Deformation of personality as an effect of the interaction of subjective and social worlds

I. A. Shapoval, doctor of Education, chair of special psychology, professor, Faculty of psychology and education, Orenburg state pedagogical university, Orenburg, Russia, irinashapoval@yandex.ru

Deformation of the person considered as subjective cognitive and affective distortion of social reality, suffering from uncertainty and inconsistency. Destruction of social and cultural paradigms, loss guarantee for the viability of long-term plans and forecasts leads personality to alienation and self-alienation, finding hidden identity, the formation of counter-realities, deformations and social illnesses of the person. Social and intrapersonal disorientation defines maladaptive behavior and loss of social competence with criticalness in relation to society and non-criticalness to one life program.

Keywords: deformation of personality, personality disorders, identity, recusancy, individualism, counter-reality, social pressure.

Literature

1. *Akopov A.Yu. Svoboda ot zavisimosti. Social'nye bolezni Lichnosti. Spb.: Rech', 2008.*
2. *Bauman Z. Svoboda. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006.*
3. *Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. M.: «Medium», 1995.*
4. *Vel'tischev D.Yu. Affektivnaya model' stressovyh rasstroistv: psihicheskaya travma, yadernyi affekt i depressivnyi spektr // Social'naya i klinicheskaya psihiatriya. 2006. t. 16, № 3. S. 104-109*
5. *Vlasova O.A. Ervin Gofman: mikrosociologiya opyta i social'naya fenomenologiya total'nyh institucii // Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo. 2008. T. 10. Vyp. 3-4 (42-43). S.32-38*
6. *Komer R. Patopsihologiya povedeniya: narusheniya i patologiya psihiki. SPb.: Praim-EVROZNAK ; M.: OLMA-press, 2005.*
7. *Korolenko, C.P., Dmitrieva N.V. Lichnostnye rasstroistva. Spb.: Piter, 2010.*
8. *Parygin B.D. Social'naya psihologiya. SPb.: SPbGUP, 2003.*
9. *Rudanovskaya S.V. Sub'ekty social'noi kritiki: mejdu real'nost'yu i jelaniem: Monografiya. M.: Izd-vo RUDN, 2005.*

10. *Rudenskii E.V.* Psihologiya nenormativnogo razvitiya lichnosti: Viktimologicheskie osnovaniya psihologicheskoi teorii deficitarnoi patologii razvitiya lichnosti. Novosibirsk: GCRO, 2000.
11. *Smulevich A.B.* Rasstroistva lichnosti. M.: OOO «Medicinskoe informacionnoe agentstvo», 2007.
12. *Starovoitenko E.B.* Kul'turnaya psihologiya lichnosti. M.: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2007.
13. *Fuko M.* Nenormal'nye: kurs lektsii, pročitannyh v Kollej de Frans v 1974-1975 uchebnom godu. Spb.: Nauka, 2005.
14. *Shyuc A.* Izbrannoe: Mir, svetyaschiisya smyslom. M.: «Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004.
15. *Ingham J.M.* Psychological anthropology reconsidered. Cambridge, Published by the Press Syndicate of the University of Cambridge, 1996.
16. *Habermas Ju.* Begründete Enthaltensamkeit: Gibt es postmetaphysische Antworten auf die Frage nach dem "richtigen Leben"? Neue Rundschau. 2001, H. 2, P. 93-103.
17. *Millon T.* Disorders of Personality: DSM-IV and Beyond. New York: John Wiley & Sons, Inc., 1996.
18. *Ratey J., Johnson S.* Shadow Syndroms. New York, Warner Books 1998.
19. *Shweder R.A.* Thinking Through Cultures. Cambridge (Mass.), London (England): Harvard University Press, 1991. p. 48-49.